

Шульгина Елена Николаевна

ПСИХОЛОГИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ СУ ТУНА

В статье рассматривается психологизм как метод художественного самовыражения, представляющий собой одну из ярких черт творчества китайского писателя Су Туна. Су Тун строит такие психологически напряженные сюжеты в произведении, которые помогают читателю точнее определить с позицией и отношением к герою, к изображаемой ситуации. Через анализ психологизма сюжетов, ситуаций, характеров персонажей, описаний природы и вещного мира, взаимоотношений героев в произведениях Су Туна показаны художественные особенности так называемой "психологической" прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 208-210. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.581

Филологические науки

В статье рассматривается психологизм как метод художественного самовыражения, представляющий собой одну из ярких черт творчества китайского писателя Су Туна. Су Тун строит такие психологически напряженные сюжеты в произведении, которые помогают читателю точнее определиться с позицией и отношением к герою, к изображаемой ситуации. Через анализ психологизма сюжетов, ситуаций, характеров персонажей, описаний природы и вещного мира, взаимоотношений героев в произведениях Су Туна показаны художественные особенности так называемой «психологической» прозы.

Ключевые слова и фразы: Су Тун; психологизм; современная литература Китая; реализм; неореализм.

Шульгина Елена Николаевна

*Бурятский государственный университет
shulgina89@inbox.ru*

ПСИХОЛОГИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ СУ ТУНА[©]

Су Тун – это писатель мировой величины, известность которого давно перешагнула национальные границы. Его творчество стало важным явлением в современном литературном процессе Китая, потому что Су Тун – один из тех, кто вывел китайскую литературу из узких рамок идеологических догм, повернул ее к человеку, раскрепостил литературную форму, тем самым дав импульс для дальнейшего роста и развития китайской литературы.

Произведения Су Туна показали, что он обладает еще и даром мастерски изображать человеческие характеры. Причем Су Туна никогда не интересуют личности заурядные, скажем так, обычные, ничем не примечательные люди. Его герои – всегда личности с сильным характером, личности незаурядные, противостоящие конформизму, либо характеры, поставленные в заведомо нетривиальную ситуацию, когда человек в психологически сложной ситуации стоит перед нелегким выбором. При этом для писателя главным является не то, как персонаж «выберется» из дарованной ему жизненной стези, но то, какие чувства при этом он испытывает, что движет им, по мнению писателя. Именно психологическое состояние героя, движения чувств и душевный мир героя делают его интересным писателю и вслед за ним – читателям.

В современном литературоведении существует проблема адекватности интерпретации художественного текста. Есть некая предопределенность в характеристике действующих лиц: герои произведений Су Туна нередко характеризуются как определенно положительные либо как определенно отрицательные типы. Между тем в большинстве случаев его персонажи можно определить лишь как условно положительные либо условно отрицательные. Именно подобная оценка, на наш взгляд, соответствует концепции автора: не существует характеров только с одними «плюсами», как нет и людей с одними «минусами».

О своем романе «Рис» Су Тун сказал, что на самом деле он, словно решает одну математическую задачу, отыскивает величину темной стороны человеческой сущности. И, действительно, значительное количество произведений, относящихся к раннему периоду его творчества, раскрывают темную сторону человека. Постепенно Су Тун отходит от однобокого определения своего героя, его персонажи сложны и порой непредсказуемы, как сама жизнь.

Творчество для Су Туна – письменная форма жизни. В своих фантазиях он, как признавался в одном из интервью, вызывает к жизни то, что не могло быть реализовано никаким другим способом, проживает жизни разных людей, в разных эпохах и, рождая эти образы и картины, сам становится как бы богом, которому под силу сотворение этого мира. В одном произведении он чувствует себя четвертой наложницей своего правого господина (роман «Жены и наложницы» [1]), в другом – всемогущим императором, который заканчивает жизнь в монастыре, становясь циркачом-канатоходцем («Последний император» [4]), в третьем – бедным крестьянином, смыслом жизни для которого становится обретение богатства любой ценой («Рис» [5]).

Как всякого большого писателя, Су Туна интересуют, прежде всего, личности неординарные и резко выделяющиеся из окружающей серой безликой массы конформных персонажей. Писатель с удовольствием творит характеры и ситуации некоего «пограничного» состояния личности, состояния выбора между добром и злом, между азартом и равнодушием.

Произведения Су Туна написаны настолько по-достоевски, что психологическое напряжение читатель ощущает от первой до последней страницы. Ярким примером такого произведения является роман «Жены и наложницы».

Начало произведения – психологическое напряжение, вполне объяснимое с точки зрения главного действующего лица – молоденькой наложницы многократно женатого господина Чэня. Сунлянь, четвертая жена богатого господина, поселена в отдельном домике его усадьбы и вынуждена в этом замкнутом пространстве обитать с тремя его старшими женами и другими домашними. Недаром один из зарубежных исследователей творчества Су Туна назвал эту психологическую ситуацию «клаустрофобической»:

*Die Geschichte erzählt von der jungen Songlian, die den reichen, alten Chen Zuoqian heiraten muss, der bereits drei Frauen hat. Zwischen ihnen entwickelt sich ein **klaustrophobisches** Intrigenspiel, das von einigen Filmkritikern als Allegorie des autoritären Regierungssystems der chinesischen KP interpretiert wurde. Obwohl das Drehbuch von der Zensurbehörde freigegeben worden war, wurde die Vorführung des Films in China verboten [6]. / История рассказывает о юной Сунлянь, которая должна была выйти замуж за богатого старого Чэнь Цзоцяня, у которого уже было три жены. Между ними развивается **клаустрофобическая** интрига, которая некоторыми кинокритиками была интерпретирована как аллегория авторитарного режима китайской компартии. Несмотря на то, что сценарий фильма был одобрен цензорами, демонстрация фильма в Китае была запрещена (перевод с немецкого наш).*

Вообще, у Су Туна многие, если не большинство, произведения имеют явственно обозначенные сюжетные рамки, как в «Женах и наложницах» – от первой встречи Сунлянь с Колодцем мертвых до последних строк романа, где Сунлянь с отчаянием восклицает: «Я не брошусь! Я не брошусь!»

«Вэньчжу видела, что женщина изящна, одежда на ней чистая и она совсем не похожа на сумасшедшую. Когда она спросила у домашних: — Кто это?», ей ответили, что это бывшая Четвертая госпожа, что она сумасшедшая. — Странная она, — сказала Вэньчжу. — Что она говорит колодцу? Тогда ей повторили слова Сунлянь: — Я не брошусь, я не брошусь». Она твердит, что не бросится в колодец. — Я не брошусь, я не брошусь!» [1, с. 292].

В одном из ранних произведений Су Туна – рассказе «Завершение обряда» [3] – психологизм ситуации составляет главное достоинство произведения. Сюжетная линия рассказа проста: молодой фольклорист приезжает в забытую Богом деревню, где узнаёт о древнем и жестоком обряде «избиения дьявола», а в конечном счете становится жертвой этого обряда. Нас же в данном случае интересует психологизм ситуации: прибывший в деревню фольклорист в самом начале встречается с главным действующим «лицом» рассказа – старинным чаном эпохи Цинь, который и воплощает в себе неотвратимость исхода: в конце рассказа труп собирателя фольклора оказывается в этом чане. Несчастный собиратель фольклора с каждым эпизодом, с каждой нарисованной писателем ситуацией проходит как бы психологическую подготовку к неизбежному концу, который оказывается всего лишь «завершением обряда».

В очень нелегкой психологической ситуации находится Черный повар из рассказа Су Туна «Два повара» [2]. По неписаному закону поваров в обслуживаемом доме профессионал может есть сколько угодно и что угодно, но с одним условием: не вынося ни крошки из дому.

Невозможно представить, насколько условности и обычаи довлеют над людьми, которые буквально погибают от голода: пытаюсь спасти своего малолетнего сына от голодной смерти, Черный повар (который и поваром-то не является) настолько нелеп и неуклюж в своих ухищрениях, что так до конца сюжета и не вызывает подозрений у самодовольного и сытого Белого повара, которому невдомек, почему это Черному повару жаль выбросить в мусорную корзину кости с остатками мяса. И только в финале рассказа Белый повар, увидев своего недавнего второго повара в очереди за благотворительным супом вместе с безызвестным «воришкой», пытавшемся «стянуть» недообглоданную кость из мусорной корзины, догадался-таки, что это «отец и сын».

Для Су Туна нет ничего невозможного в том, чтобы правдиво и убедительно показать внутренний мир как женщины, так и мужчины, как императора, так и простого человека, доброго или злого. При этом автор менее всего склонен осуждать своих порой непутевых героев – напротив, он призывает читателя разобраться в психологическом состоянии персонажа, истоках его душевных мук и страданий.

Рассказ «Два повара» может служить ярким примером умелого изображения внутреннего мира героев через ситуацию, предметы, окружающее. Кроме того, читатель чувствует порой невыносимое давление традиции и нелепого обычая на героя, поставленного в безвыходную ситуацию, когда сын Черного повара где-то рядом умирает с голоду, а между тем Белый повар небрежно выбрасывает в мусорную корзину кости, сплошь покрытые остатками мяса. При этом брать с собой выброшенное нельзя, можно есть в поварской и на кухне сколько угодно, но с собой уносить – ни в коем случае. Когда несчастный мальчик попытался украсть недообглоданную кость, его с позором выгнали, а его отец, Черный повар, не смог даже вступить за сына, потому что ему было больно и стыдно сознаться в родстве.

«Я понимаю. Нельзя вынести за ворота даже косточку, — лицо Черного повара покрылось пятнами. Он хотел вынуть руки из корзинки, но они его не слушались. Пальцы вцепились в мясную кость и положили ее рядом с мусорным бачком. Потом Черный повар прикрыл ее листиками капусты. Он выпрямился, тяжело вздохнул, глядя на корзинку, потом посмотрел на свои ладони и увидел, что они блестят от жира. Он подумал, что никогда в жизни он не видел такой прекрасной мясной косточки. И вот такую хорошую кость просто так бросили в кучу мусора» [2, с. 356].

Дальнейшая картина только обостряет психологическую ситуацию – Черный повар плачет в сторонке, затем собирается уйти, и Белый повар милостиво разрешает съесть несколько булочек. Но булки не лезут в горло Черному повару, он умоляет Белого повара отдать ему выброшенную кость, на что тот, наконец, соглашается: «Ты не повар, правило повара к тебе не относится. Я еще буду объясняться по этому поводу с Лао Дэном. Какой же ты повар?!» [Там же, с. 360].

В романах «Последний император», «Жены и наложницы», «Рис» внутренний мир героев изображен с не меньшим, а то и с большим психологизмом. В «Последнем императоре» [4] герой из владельца превращается в монаха и канатоходца, а на протяжении повествования происходит мучительная переоценка

ценностей и приоритетов, цели человеческой жизни. Именно этот процесс, происходящий в душе персонажа, и интересен писателю. В романе «Жены и наложницы» [1] писатель дает волю читателю судить о том, кто и что виновато в терзаниях Сунлянь, в конце концов, сошедшей с ума и от своих поступков, и от страха за наказание, и от жестокости окружения ее господина. В романе «Рис» [5] главный персонаж становится главарем банды, таким образом, осуществляя свою давнюю мечту стать богатым. Только вот какой ценой? И принесет ли это ему счастье?

Су Тун постоянно ставит своих героев перед проблемой нравственного выбора, проблемой сохранения человеческого достоинства. Изображая внутренний мир персонажей, он делает тонкие психологические акценты, используя многообразные художественные средства.

Мастерство писателя, на наш взгляд, состоит, в том, что несколькими сочными штрихами он создает как бы законченный образ.

Одним из основных критериев остаются взаимоотношения героев. Собственно, с взаимоотношений героев и начинается практически всегда сюжетная линия. Поэтому умение показать психологизм отношений действующих лиц для писателя всегда очень важно. У Су Туна примером такой яркой демонстрации психологизма взаимоотношения может служить роман «Жены и наложницы» [1].

Хозяин имения – капризный и бессердечный господин Чэнь ко всем обитателям, в равной степени к слугам, детям и женам, относится с убийственным высокомерием. Молодая его четвертая жена Сунлянь при своем появлении также старается проявить характер и гонор, по крайней мере, со служанкой (которую позже доведет до могилы). Сын Чэня пытается неумело и беспардонно флиртовать с молодой наложницей. Все жены Чэня обуяны страстью ревности, зависти и злобы, пытаясь всячески навредить друг другу. При всей жалости к Сунлянь нельзя не констатировать: в романе фактически нет ни одного положительного героя, исключая, может быть, вскользь упомянутого отца Сунлянь. Да и тот в ситуации банкротства не нашел ничего лучшего, как наложить на себя руки, оставив дочь на попечение мачехи.

Рисуя этот сложный клубок взаимоотношений героев, Су Тун вовсе не старается осудить или обличить их, под его пером возникает картина психологического состояния героев, которые поставлены в тяжелые, невыносимые условия существования и вынуждены подчиняться прихотям господина Чэня. Но и этот «источник зла», по мнению автора, слаб и жалок, его покидают силы, здоровье, и фактически его никто не любит. А без любви человек гибнет, его будущее предрешено.

Психологизм как метод художественного самовыражения представляет собой одну из ярких черт творчества Су Туна. Благодаря этому методу писатель изображает жизнь во всей ее глубине и многогранности, выражает основные концепции жизни. Психологизм – это способ углубления образа и убедительного изображения личности. Стоит отметить также его умение построить такие психологически напряженные сюжеты в произведении, которые бы помогли читателю точнее определиться с позицией и отношением к герою, к изображаемой ситуации.

Список литературы

1. **Китайские метаморфозы: современная китайская художественная проза и эссеистика.** М.: Вост. лит., 2007. 525 с.
2. **Месяц гуманов:** антология современной китайской прозы / пер. с кит. Н. А. Спешнев и др. СПб.: Триада, 2007. 416 с.
3. **Су Тун.** Завершение обряда // Институт Конфуция. 2011. № 2 (5). С. 68-73.
4. **Су Тун.** Последний император. М. – СПб.: АСТ; Астрель-СПб., 2008. 288 с.
5. **Su Tong.** Mi. Taipei: Taihai chubanshe, 2000.
6. <http://www.hoeren-undlesen.de/index.php?site=rezension&id=216>

PSYCHOLOGISM IN SU TONG CHARACTERS' INNER WORLD PICTURE

Shul'gina Elena Nikolaevna
Buryat State University
shulgina89@inbox.ru

The article analyses the psychologism as the method of fiction self-expression that is one of the bright sides of the Chinese writer Su Tong's work. Su Tong creates so psychologically agitated plots in his works that they help the audience to be more correct in their attitude towards a character and a depicted situation. By analyzing the psychologism of plots, situations, characters' tempers, nature and material world descriptions, characters' relations in Su Tong's works, fiction peculiarities of the so-called «psychological» prose are shown.

Key words and phrases: Su Tong; psychologism; Chinese modern literature; realism; neorealism.